

ИНДОНЕЗИЯ – ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 года

Голосование 17 апреля 2019 г. прошло в целом спокойно, но уже на следующий день П. Субианто взял курс на обострение обстановки, причем поведение его и его сторонников порой выходило за пределы элементарной политической этики. Уже 18 апреля он объявил о своей победе и отслужил по этому поводу благодарственный молебен. Амин Раис обозвал Джоко Видодо «параличной уткой» (*bebek lumpuh* – индонезийский вариант американского *lame duck*). В выступлениях П. Субианто и его коллег звучали утверждения о злоупотреблениях при подсчете голосов.

Он встретился 22 апреля с бывшим главкомом вооруженных сил генералом Гатотом Нурмантьо. Как сообщил официальный представитель команды П. Субианто, обсуждались меры, которые предпримет последний для противодействия тому, что они назвали «структурированной, систематической, массированной и brutальной фальсификацией итогов выборов». Г. Нурмантьо внес ряд предложений по этому поводу¹. При этом П. Субианто под предлогом занятости уклонился от предложенной ему встречи с представителем президента министром-координатором Л. Панджаитаном. Фадли Зон, заместитель Прабово в руководстве партии Гериндра, издевательски прокомментировал ситуацию, сказав, что Л. Панджаитан по своему влиянию является фактическим президентом². Все говорило о том, что лагерь П. Субианто готовится к бескомпромиссной конфронтации.

Первого мая состоялась третья конференция мусульманских священнослужителей (*Ijtima Ulama III*), в которой участвовали около 1000 улемов со всей страны. Форум, где присутствовал П. Субианто и к которому обратился с видеопосланием из Мекки Х. Ризик, рассмотрев сообщения о нарушениях в ходе кампании, обратился к Центральной избирательной комиссии, требуя дисквалифицировать тандем Д. Видодо – М. Амин как допустивший преступления и злоупотребления в ходе выборов, и призвал всех мусульман, всей «детей нации» выступить за восстановление законности, опираясь на нормы шариата и конституции. Это было сделано

вопреки призыву главы администрации президента Мулдоко к участникам конференции не вмешиваться в политические процессы, а о злоупотреблениях сообщать Конституционному суду и Контрольной комиссии по выборам³.

П. Субианто 6 мая в своей резиденции встретился с представителями иностранных СМИ (местные журналисты не были приглашены), до их сведения были доведены нарушения, допущенные по его данным в ходе кампании. На встрече присутствовал А. Раис⁴.

14 мая П. Субианто провел симпозиум по проблеме злоупотреблений при подсчете голосов, где заявил, что отвергает результаты подсчета и «не смирится с несправедливостью и ложью». (Результаты еще не были официально обнародованы, но были очевидны). Анггавира, заместитель генсека партии Гериндра, заявил 16 мая, что отказ в признании распространяется на результаты парламентских выборов⁵. Но уже на этом этапе в коалиции П. Субианто наметился раскол. Сандиаго Уно под предлогом болезни не присутствовал на выступлении П. Субианто 18 апреля, а затем заявил, что считает выборы справедливыми и честными, хотя принципиальных разногласий с П. Субианто у него нет. Он выразил готовность сотрудничать с Д. Видодо, а в другом случае сказал, что интересы страны превыше всего и он готов служить родине в любом качестве⁶. Позже, однако, он участвовал в акциях, организованных коалицией П. Субианто, хотя и не очень активно.

Анис Харимурти Юдойоно, сын лидера Партии демократов, фактически ставший вторым лицом в партии, высказался в том смысле, что выборные баталии должны заканчиваться в день голосования и обе стороны должны ставить интересы нации превыше всего⁷. Он был приглашен во дворец, где заявил президенту, что готов работать на благо страны⁸.

Непримиримые позиции по обыкновению занял глава Почетного совета Партии национального мандата Амин Раис, который в свое время угрожал развернуть массовые акции «Народовластия», но теперь сменил лозунг на «Суверенитет народа» и обещал «сравнять с лицом земли» каждого, кто им воспротивится⁹. Но и в этой партии наметились разногласия. Лидер ПНМ Зулкифли Хасан, спикер Народного консультативного конгресса, 30 апреля встретился с президентом и по просочившимся в печать сведениям просил предоставить партии посты спикеров в новом составе парламента и конгресса¹⁰. Заместитель председателя ПНМ Бара Хасибуан выразил сожаление в связи с тем, что второй тандем отвергает итоги вы-

боров, не приводя обоснований этой позиции¹¹. Затем 21 мая в день обнародования итогов голосования З. Хасан заявил, что партия признает победу Джоко Видодо и М. Амина, а также (с оговорками) результаты парламентских выборов, где партия получила 44 депутатских мандата (около 8%)¹². «Послужной список» ПНМ своеобразен. На выборах 2014 г. партия поддержала П. Субианто, затем примкнула к коалиции Д. Видодо (после его победы), но в 2016 г. вернулась к Прабово. Это в значительной мере объяснялось непредсказуемым поведением стареющего А. Раиса, сохранявшего влияние в ПНМ.

За день до ранее объявленного срока, 21 мая Центральная избирательная комиссия обнародовала итоги подсчета голосов. Тандем Джоко Видодо – Маруф Амин поддержали 55,5% голосовавших, их оппонентов соответственно 44,5%. В выборах участвовали около 154,3 млн человек.

Действующий президент и его партнер получили большинство в 21 провинциях, в том числе в Джакарте, Джокьякарте, на Восточной и Центральной Яве, Бали, Сев.Суматре. в Молукках и обеих провинциях Папуа. Среди провинций, где победили их оппоненты, были Западная Ява (традиционный оплот консервативного и радикального ислама), Бантен, Аче. Победа Д. Видодо в Папуа отразила притяжение его курса на развитие окраин.

Результаты парламентских выборов были в целом ожидаемыми. Коалиция Джоко Видодо завоевала в парламенте 349 мест из 575, в том числе ДПИБ – 128, Голкар – 85, Партия национального возрождения – 58, Национал-демократическая партия – 59, Партия единства и развития – 19. Коалиция П. Субианто получила 226 мандатов, в том числе Гериндра – 78, Партия справедливости и процветания – 50, ПНМ – 44, Партия демократов – 54 места.

В первой коалиции Голкар потерял 2,4% голосов в сравнении с 2014 г., Партия единства и развития – 2%, национал-демократы прибавили 2,3%, остальные сохранили свои позиции. Во второй коалиции прибавили Гериндра и Партия справедливости и процветания, соответственно 0,8% и 1,4%. Партия демократов потеряла 2,4%, ПНМ – 0,8%.

Мусульманские партии (ПНВ, ПЕР, ПСП и ПНМ) получили в целом 171 мандат, при этом 94 места пришлось на оппозиционные ПСП и ПНМ и 77 – на поддерживающие Джоко Видодо ПНВ и ПЕР. На первый взгляд, процент голосовавших за религиозные партии служит индикатором стабильности в этой сфере, и всплеск ра-

дикализма в 2016–2017 гг. был случайностью. Но П. Субианто в своей кампании прочно ассоциировался с радикальным исламом и получил немногим менее половины голосов. Не исключено, что системные мусульманские партии не полностью отражают настроения мусульманского большинства, его активной части.

В городах действующий президент получил меньшую поддержку, чем в сельской местности, и это объясняется прежде всего тем, что в городах социальные различия проявляются более выпукло, чем в деревнях. Утверждения П. Субианто о фальсификации итогов выборов не представляются обоснованными, хотя известные нарушения могли иметь место с обеих сторон. Те же или близкие результаты дали опросы, проводившиеся независимыми агентствами. В августе 2018 г. за первый тандем были готовы проголосовать 52,2% респондентов, за их оппонентов – 29,5%, не определились – 18,3%. В ноябре 2018 г. – соответственно 53,2%, 31,2% и 15,6%¹³.

Начавшийся распад блока П. Субианто не гарантировал мирного исхода кампании. Дело было не только в непредсказуемости П. Субианто и А. Раиса, заявлявших, что готовы биться до конца. Нервозную обстановку, в апреле–мае 2019 г. могли использовать третьи силы, прежде всего крайние исламисты во главе с Х. Ризиком. Для них победа второй коалиции была не стратегической целью, а промежуточным этапом на пути к собственному успеху.

Правительство, силовые структуры серьезно воспринимали угрозу дестабилизации обстановки в стране в связи с объявлением итогов голосования. Министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности Виранто приказал командующим военными и полицейскими округами по всей стране не допускать массового притока граждан в Джакарту, который создал бы угрозу массовых акций и социальных конфликтов, но при этом не применять огнестрельное оружие, ограничиваясь при необходимости дубинками¹⁴. Полиция призвала избегать скопления людей, не проводить уличных акций, учитывая опасность терактов. Говорилось, что уже есть задержанные, давшие признательные показания¹⁵.

Возможно, что лично П. Субианто не хотел взрыва насилия, но, провозгласив себя победителем на следующий день после голосования и почти ежедневно обвиняя власти в подлогах и фальсификации, заявив, что не признает итоги выборов, он создал благоприятную почву для тех, кто стремился к обострению ситуации.

В целом в обществе опубликованные результаты голосования были восприняты вполне позитивно, 14% опрошенных сочли подсчет голосов полностью честным и объективным, 55% достаточно честным и объективным, только 22% недостаточно честным, 5% полностью нечестным и необъективным и 3% воздержались от ответа¹⁶. Однако в течение первой и второй декады мая перед зданием Контрольной комиссии по выборам проходили демонстрации сторонников П. Субианто, требовавших аннулировать итоги выборов, а 21 мая они собрались у здания Избирательной комиссии на центральной магистрали Джакарты. Как сообщил представитель государственной полиции М. Икбал, первоначально демонстранты были настроены вполне законопослушно и по требованию полиции разошлись в 9 часов вечера. Но через два часа появились новые толпы, пытавшиеся снести заграждения вокруг здания, забрасывавшие полицию камнями, петардами и «коктейлями Молотова». Беспорядки перекинулись на другие районы столицы. Произошло нападение на казарму полиции в одном из районов города, сопровождавшееся поджогами¹⁷.

В результате применения огнестрельного оружия с обеих сторон девять человек были убиты и до 30 ранены, в том числе полицейские и военнослужащие¹⁸. Но в целом беспорядки 21–22 мая носили ограниченный характер и почти не вышли за пределы Джакарты. Они отражали преимущественно не настроения избирателей, а устремления и цели внесистемной исламистской оппозиции, демонстрировавшей свое влияние.

Прабово Субианто 22 мая призвал своих сторонников воздерживаться от неконституционных политической борьбы, но, как отмечала газета «Джакарта пост» (23.05.2019), он сделал это лишь после того, как погибли люди и был нанесен ущерб. Возможно, он опасался, что насилие, связанное с его именем, может поставить крест на его политической карьере. Вечером 23 мая состоялась его встреча с вице-президентом Ю. Калла. О содержании их беседы не сообщалось, но на следующий день бывший кандидат на пост вице-президента Сандиага Уно заявил, что П. Субианто готов в любое время встретиться с президентом Д. Видодо¹⁹. Даже А. Раис после вызова в полицию, где его допрашивали в связи с лозунгом «народовластия», заявил, что не имел в виду ничего серьезного и уж во всяком случае не собирался свергать президента²⁰.

Тем не менее, П. Субианто и С. Уно 26 мая подали в Конституционный суд апелляцию против Центральной избирательной ко-

миссии. Среди семи пунктов документа содержались требования признать недействительным решение ЦИК по итогам голосования, признать Д. Видодо и М. Амина виновными в «массовых структурных и систематических злоупотреблениях», дисквалифицировать их как участников кампании, признать П. Субианто и М. Амина в качестве избранных президента и вице-президента и обязать ЦИК принять соответствующее решение по этому поводу²¹.

Обращает на себя внимание императивная тональность апелляции, она напрямую перекликалась с заявлением П. Субианто о его победе, которое он сделал, когда подсчет голосов только начинался. Интересно вместе с тем заключение научного сотрудника Католического университета в Купанге (Западный Тимор) М. Раджа Муда, что П. Субианто был не вполне самостоятелен в принятии своих решений, и за ним стояли определенные круги, заинтересованные в нагнетании напряженности в стране после выборов²².

Тогда для такого вывода были основания. П. Субианто, по крайней мере, на какое-то время стал заложником радикальных исламистов во главе с Х. Ризиком, которые могли за его спиной, даже не очень таясь, выстраивать свои схемы. Это наглядно проявилось в канун рассмотрения в Конституционном суде апелляции П. Субианто. Одиннадцатого мая он обратился к своим сторонникам с призывом не проводить демонстраций у здания суда и принять решение КС, проявив зрелость, выдержку, и понимание национальных интересов²³. Ответ последовал со стороны «Братства участников Движения 212», созданного исламистами и названного в ознаменование даты его создания (2 декабря 2016 г.) в период борьбы за пост губернатора Джакарты. Генеральный секретарь этой организации Бернад Абдул Джаббар заявил, что при всем уважении к П. Субианто важны позиции Х.Р. Шихаба и улемов. «Господин Прабово может призывать, а мы будем ожидать их указаний»²⁴.

Но была еще одна заинтересованная сторона – индонезийская армия. Активность исламистов в сочетании с пассивностью большинства партий создала ситуацию, когда военные становились едва ли не единственной надежной опорой политической стабильности в стране. В то же время роль некоторых отставных военнослужащих в этих событиях была неоднозначной. Это проявилось после событий 21–22 мая, когда, в частности, распространились слухи, что в них принимала участие Команда «Роза», которая в качестве подразделения войск спецназа индонезийской сухопутной армии осуществляла в 1998 г. захват активистов антисухартовского движе-

ния. Министр обороны Р. Рьякуду, встревоженный политическим ущербом, который эти слухи могли нанести репутации военной касты, заявил, что «ныне армия уже не та, что была раньше» и не следует ворошить прошлое²⁵. Глава администрации президента генерал в отставке Мулдоко также отрицал участие «Розы» в этих событиях, не исключая причастности к ним лиц, ранее входивших в эту команду²⁶.

Рассмотрение в Конституционном суде апелляции П. Субианто и С. Уно в целом не вызвало активных выступлений их сторонников. Мулдоко 14 июня призвал их последовать призыву П. Субианто и не проводить акций в период заседаний КС: «У первого тандема тоже много сторонников, но я их удерживаю. Мы не хотим, чтобы дело обернулось неприятностями»²⁷. Позиция истцов в этом процессе выглядела неубедительно. Так, число голосов, на которое претендовал второй тандем, в одном случае было названо в размере 62%, в другом 54% и в конечном итоге 52%²⁸. Хотя адвокаты говорили, что для перевозки собранных доказательств понадобилось 12 грузовиков, им не удалось убедить судей в том, что нарушения избирательного закона были «структурированными, систематическими и массовыми». Суд 27 июня отклонил апелляцию второго тандема и признал избрание Д. Видодо и М. Амина имеющим законную силу. О признании итогов выборов действительными Центральная избирательная комиссия объявила 30 июня. Выступая в комиссии в этой связи, Д. Видодо призвал бывших соперников к сотрудничеству в деле национального развития. Он выразил уверенность, что как патриоты они хотят, чтобы Индонезия становилась все более мощной и передовой страной, а жизнь в ней справедливой и благополучной²⁹. П. Субианто и С. Уно при этом не присутствовали. Когда последнего спросили, поздравили ли они своих соперников с утверждением их избрания, он ответил, что «поздравления это западная культура»³⁰.

Ход избирательной кампании и события после голосования привлекают внимание к реальной роли партий в современной Индонезии. Можно в целом согласиться с мнением индонезийского политолога М.К. Донна Свейнстани: «По-настоящему партии должны отвечать за социализацию людей, за их политическое воспитание, за урегулирование конфликтов. К сожалению, они сосредотачиваются на электоральных интересах и не занимаются воспитанием людей. Когда же они становятся инициаторами конфликтов,

то втягивают общественность в их орбиту». Отсюда персонификация политики, нечто вроде культа личности лидера³¹.

Пассивность партий правительственной коалиции обращала на себя внимание еще во время джакартских событий 2016–2017 гг., тогда как лидеры Партии справедливости и процветания и Партии национального мандата активно использовали свой статус для политической поддержки исламистов. Аналогичным образом 21–22 мая 2019 г. партии поддержки Д. Видодо фактически уступили инициативу толпам, за которыми стояли люди Х. Ризика Шихаба и элементы, связанные с ИГИЛ. Не будет упрощением сделать вывод, что для лидеров большинства системных партий политическая деятельность сводится преимущественно к завоеванию возможно большего представительства в парламенте, правительстве, высших эшелонах власти. Распад коалиции П. Субианто, обозначившийся еще до решения Конституционного суда, свидетельствовал о том, что главной мотивацией лидеров партий было стремление к участию во властных структурах.

Еще 28 июня 2019 г. П. Субианто предложил партнерам по коалиции самостоятельно определить свои позиции – примкнуть к правительству или остаться в оппозиции³². Сразу после того, как обозначилось поражение второго тандема, начались разговоры о переходе некоторых из ее партий на позиции сотрудничества с победителями. ПСП в известной мере осталась в стороне от этого процесса, поскольку была единственной укрепившей свои позиции – в 2014 г. за нее проголосовали 6,8% избирателей, а в 2019 г. – 8,2%. Это было результатом последовательной консервативно исламистской позиции лидеров партии, находившей отклик в настрое определенной части электората. Что касается Партии демократов, то ее присутствие во второй коалиции было, на наш взгляд, случайностью, которую следовало исправить, и поведение лидеров ПД в известном смысле этому соответствовало. Генсек партии Хинча Панджаитан заявил, что вторая коалиция прекратила свое существование после решения Конституционного суда, суверенитет партии восстановлен и ее позицию определит ее руководство³³. В другом случае он признал, что в ПД нет единства мнений по поводу того, следует ли примкнуть к сторонникам президента или остаться в оппозиции³⁴.

Элита Партии национального мандата в лице спикера Народного консультативного конгресса Зулкифли Хасана открыто демонстрировала желание приобщиться к победителям (как пять лет

назад) и выйти из положения, в которое ПНМ попала благодаря во многом А. Раису. Сам он в видео обращении к членам и сторонникам партии призвал воздержаться от присоединения к коалиции президента – из-за одного места в кабинете не следует предавать 10 миллионов, которые голосовали за ПНМ³⁵. В то же время заместитель генсека ПНМ Бара Хасибуан критиковал П. Субианто, который, потерпев поражение, не повел себя должным образом, не поздравил победителя, не призвал своих сторонников забыть былую вражду³⁶.

Сложнее было положение партии Гериндра, которую возглавлял сам П. Субианто. Заместитель генсека партии Андре Русиади утверждал, что ее руководство получило от правительственной коалиции ряд предложений, касавшихся высоких постов в правительстве и парламентских структурах. Но, по его мнению, предпочтительным для партии было бы остаться вне правительства в качестве оппозиции в системе сдержек и противовесов³⁷. Возможное присоединение к победителям обсуждалось во всех случаях достаточно серьезно, в ходе дискуссий не фигурировали принципиальные расхождения с лагерем президента. Лидеров партий не смущал и тот факт, что голоса на выборах они набирали у оппозиционно настроенных избирателей.

Председатель Совета партии Голкар Аче Хасан Шадзили выразил сомнения в том, что партии, которые только что в пух и прах разносили установки и политику коалиции Д. Видодо, смогут плодотворно действовать в ее составе. По его выражению, они станут колючкой в плоти (*duri dalam daging*)³⁸. Сторонников президента к тому же явно беспокоило, что с переходом новых партий на его сторону выросло бы число претендентов на позиции во властных структурах. Генсек ДПИБ Хасто Кристьянто указал, что здоровые коалиции создаются до президентских выборов, и вообще демократия предполагает наличие сторон, не входящих в правительство³⁹.

Учитывая роль таких организаций как Фронт защитников ислама, Движение-212 и пр., одним из последствий избирательной кампании стала идентификация радикального исламизма как реальной угрозы не только для политической стабильности, но всего процесса демократизации, модернизации политической системы, начавшегося в 1998 г. Министр обороны Р.Рьякуду, выступая в генштабе вооруженных сил 19 июня 2019 г., указал, что 23,4% студентов индонезийских вузов готовы пойти на джихад для установления халифата в Индонезии, так же настроены 23,3% учащихся

старших классов средней школы, 19,4% гражданских госслужащих, 9,1% служащих госкомпаний и даже в армии 3% личного состава находятся под влиянием этих идей⁴⁰.

Центр по изучению общественного мнения *Alvara Research Center* (Джакарта) установил, что один из пяти государственных служащих и 10% сотрудников государственных компаний не разделяют государственную идеологию и настроены в пользу превращения страны в теократическое государство. Обеспокоенное этой тенденцией, подтверждавшейся и другими опросами, правительство намерено в предстоящие пять лет ужесточить отбор кандидатов на высокие должности в министерствах финансов, обороны, образования, здравоохранения, по делам религий и общественных работ, а также в ряде государственных компаний, в *Bank Republik Indonesia*, в принадлежащих государству *media* компаниях. Представитель ФЗИ заявил, что предлагаемые меры граничат с криминализацией мусульманской религии⁴¹.

Но заслуживает внимания и другой феномен. Опросы, проведенные аналитическим центром *Saiful Mujani Research and Consulting* после событий 21–22 мая 2019 г., показали, что удельный вес лиц, считающих, что Сухарто был демократом, вырос с 22% на июль 2014 г., до 33% в мае-июне 2019 г.⁴². Учитывая временной разрыв и отсутствие промежуточных показателей, можно предположить, что это связано не только с последними событиями, но и с резкой активизацией и агрессивностью радикальных исламистов при сравнительно слабом противодействии со стороны власти. При всех своих пороках военный режим в целом обуздывал радикалов (другое дело, что он не устранял причины, создававшие почву для их влияния).

В этой связи характерно высказывание Р. Рьякуду, что поскольку государственная идеология является объединяющим фактором для нации и государства, каждый, кто ее не воспринимает («испытывает к ней аллергию»), является первейшим врагом государства⁴³. Это перекликается с методами управления страной и обществом, характерными для режима Сухарто. В этом еще одна угроза, проистекающая из радикализации ислама – усиление ностальгии по «сильной руке», способной обеспечить порядок и спокойствие. Это работает на пользу армии как силы, из которой может произрасти «сильная рука». В команде Д. Видодо в ходе избирательной кампании едва ли не самую важную роль играли отставные генералы – министры-координаторы Виранто и Л. Панджаитан,

глава президентской администрации Мулдоко и бывший глава разведки и контрразведки Хендроприйоно.

Кампания 2019 г. вместе с тем ознаменовалась явлением, значение которого может оказаться большим, чем это представляется сейчас. На политическом поле страны появился новый субъект Партия солидарности Индонезии (*Partai Solidaritas Indonesia*), название которой может быть переведено и как Индонезийская партия солидарности. В конце 2018 г. ПСИ оказалась в центре бурной полемики, выступив против местных законодательных актов, основанных на религиозных постулатах, будь то библейские догмы или нормы шариата, и за запрещение полигамии для кадровых работников политических партий. На ПСИ и ее лидера, бывшую ведущую телевидения Грейс Натали обрушились тогда лидеры большинства партий, независимо от политической ориентации⁴⁴. Партия выступила против дискриминационного подхода при строительстве культовых сооружений⁴⁵. Г. Натали осудила партии, которые выдают себя за националистические, а на деле поддерживают местные законы, основанные на шариате⁴⁶. Как показал опрос, она оказалась на четвертом месте по популярности из лидеров 16 партий, пропустив вперед лишь П. Субианто, С. Юдойоно и М. Сукарнопутри⁴⁷.

В ходе кампании ПСИ вошла в коалицию Д. Видодо, причем генсек партии Джули Антони стал заместителем секретаря его команды. Ее лидеры в самых резких выражениях полемизировали с П. Субианто, опровергая его обвинения в адрес правительства. Представитель партии Дара Адинда призвал П. Субианто признать свою ответственность за беспорядки 22 мая, за провокации, приведшие к гибели людей⁴⁸. Хотя лидеры ПСИ выражали надежду получить хотя бы 23 места в парламенте и изменить стиль работы этого органа⁴⁹, им едва удалось набрать 2% голосов по стране при 4-процентном барьере. Но при этом в ряде случаев результаты, прежде всего в индонезийских диаспорах за рубежом, дают пищу для размышлений: в России 16,2%, второе место после ДПИБ, второе место в Намибии, Анголе и Камбодже (также после ДПИБ), первое место в Таиланде, Сингапуре, Пхеньяне, Франкфурте и Перте (Австралия) – список можно продолжить. Партия провела своих депутатов в местные органы власти в Джакарте и Сурабае. Руководство ПСИ 24 мая подало заявление в Конституционные суд, обвиняя избирательные комиссии в ряде округов, в том числе на Западной Яве и в Папуа, в фальсификации итогов голосования в пользу других партий⁵⁰. Внимания здесь заслуживает не абсолютное число подан-

ных голосов, а социальная сфера, в которой проходило голосование. За рубежом голосовали чиновники посольств, студенты, гастарбайтеры. За границей в значительном числе случаев оказываются люди более динамичные, социально инициативные, способные сравнивать обстановку в стране пребывания с условиями на родине. Предпочтение, отдаваемое новой партии, может означать критическую оценку традиционной элиты. Как заявил лидер джакартского отделения партии Майкл Виктор Сиампар, ПСИ получила места в местных муниципалитетах, потому, что обществу надоели старые партии, нередко замешанные в коррупции. Он заверил, что депутаты от ПСИ будут добиваться максимальной открытости органов власти и их ответственности перед избирателями⁵¹.

Во всяком случае, появление ПСИ на политической арене заслуживает пристального внимания, о чем можно судить хотя бы по тому, что президент Д. Видодо встретился с Г. Натали в день обнародования результатов выборов 21 мая 2019 г., а 18 июля она представила ему во дворце группу молодых партийных кадров. После встречи она заявила, что независимо от того, будут ли ПСИ представлены места в правительстве, она будет поддерживать Д. Видодо «до последней капли крови» и в местных органах власти, и в СМИ⁵². В октябре 2019 г. президент назначил деятеля ПСИ Сурья Чандра заместителем министра сельского хозяйства и окружающей среды. В то же время ощущается известная отчужденность по отношению к ПСИ со стороны традиционных системных партий, в том числе и входящих в президентскую коалицию.

Период, последовавший за решением Конституционного суда, характеризовался противоречивостью. С одной стороны, в средствах массовой информации постоянно присутствовали высказывания деятелей самого разного уровня, включая Д. Видодо и П. Субианто, о возможности их встречи с целью примирения и нормализации атмосферы в стране. С другой, представители радикального ислама фактически препятствовали этой встрече. Председатель Фронта защитников ислама Собри Лубис непосредственно перед оглашением вердикта КС заявил, что «если победит первый тандем, мы должны быть готовы к долгосрочному джихаду. Для нас дорога только истина. Утверждение истины и справедливости является непреложной целью для индонезийской нации, как указывает верховный имам нашего Фронта Хабиб Ризик Шихаб»⁵³.

Генеральный секретарь партии Гериндра Ахмад Музаки назвал возвращение Хабиба Ризика Шихаба в Индонезию, прекра-

щение уголовного преследования и освобождения лиц, задержанных в ходе известных событий, в качестве условий поствыборного примирения⁵⁴. Глава администрации президента Мулдоко заявил в этой связи, что Шихаб покинул страну по своей воле и может вернуться, когда сочтет нужным. По отношению к задержанным будут продолжаться предусмотренные законом действия. Он добавил, что примирение не рассматривается в качестве приоритета и в стране есть немало более неотложных проблем⁵⁵. Заместитель генсека Партии национального мандата Бара Хасибуан заявил, что выдвижение возвращения Х.Р. Шихаба в качестве условия есть предательство самой идеи примирения и потерпевшая сторона не вправе выдвигать какие-либо условия⁵⁶.

Хотя идея встречи двух соперников постоянно муссировалась в СМИ, сообщение о том, что она состоялась, было неожиданным. Они встретились 13 июля в вагоне метрополитена (абсолютно нейтральная площадка), где имели беседу с глаза на глаз, а затем выступили перед журналистами и отобедали вместе в ресторане. Выступая перед представителями СМИ, оба деятеля заверили, что остаются друзьями и товарищами, готовыми действовать в интересах страны. П. Субианто сказал, что хотя соперничество принимало иногда жесткие формы, «мы всегда оставались членами большой индонезийской семьи, индонезийской общности. Мы дети одной страны, мы патриоты и намерены приносить благо нашей нации». Он объяснил, почему до сих пор не поздравил Д. Видодо – откладывал это до личной встречи, пожелал ему успехов и выразил готовность оказывать содействие⁵⁷. Факт встречи и ее результат одобрили, естественно, лидеры партии Гериндра, а также генсек ДПИБ Хасто Кристьянто, который назвал ее показателем уровня демократии в стране, свидетельством сохранения ценностей сотрудничества, консультаций, консенсуса, единства Индонезии⁵⁸. Лидер Партии справедливости и процветания Мардани Али Сана, одобрив встречу, выразил надежду, что П. Субианто и его партия останутся в оппозиции – противоположное решение разочаровало бы его сторонников⁵⁹. Заместитель генсека Партии национального мандата Салех Партаонан выразил недоумение в связи с тем, что П. Субианто не проинформировал своих сторонников, в том числе священнослужителей, которые внесли немалый вклад в его кампанию. «Это очень нехорошо. Почему в ходе кампании он приходил к ним и выслушивал их, а когда все кончилось, ушел, не сказав ни слова?»⁶⁰.

Единства в ПНМ по этому кардинальному вопросу дальнейшей политики не было. Еще 29 апреля заместитель генсека партии Бара Хасибуан заявил, что после выборов коалиция перестала существовать, что партия всегда участвовала в правительстве и это не проявление оппортунизма⁶¹. Теперь он подтвердил эту мысль, указав, что ПНМ располагает общественным базисом и надежными кадрами, которые могут стать одним из столпов правительства⁶². А. Раис в конечном итоге одобрил встречу двух лидеров и предложил предоставить победившему тандему возможность работать в течение пяти лет. Он, однако, выступил против того, чтобы примирение стало орудием борьбы за места во власти, и высказался за наличие оппозиции как неотъемлемого элемента демократии⁶³. В этом же духе высказался его заместитель Драджад Вибово, который считал, что ПНМ, Гериндра и ПСП должны составить блок оппозиции⁶⁴. Но заместитель руководителя команды первого тандема Арсул Сани сообщил, что на следующей встрече Д. Видодо и П. Субианто будут обсуждать вопрос о том, останется Гериндра вне правительства или примкнет к президенту⁶⁵.

Многие сторонники П. Субианто были разочарованы, поскольку примирение противоречило его жестким позициям в ходе кампании. Оно было не для всех понятно или толковалось как проявление беспринципности, хотя продолжение активного противостояния вряд ли соответствовало бы национальным интересам.

Жесткую позицию заняли радикальные исламисты. Представитель «Движения-212» Новел Бамухмин заявил, что П. Субианто действовал под влиянием неких кукловодов в своем окружении, побудивших его идти на встречу без согласия своих сторонников, и он доверился этим предателям. Его встречу с Д. Видодо осудили Фронт защитников ислама, Национальное движение по контролю за исполнением фетв и некоторые другие организации⁶⁶. «Движение-212» заявило, что порывает с П. Субианто и отныне подчиняется только находящемуся в Мекке Х.Р. Шихабу⁶⁷.

Неожиданным событием была встреча 24 июля между П. Субианто и М. Сукарнопутри, состоявшаяся по ее инициативе. В организации встречи активно участвовал начальник управления разведки и контрразведки генерал Буди Гунаван, который был адъютантом М. Сукарнопутри в бытность ее президентом. Содержание двухчасовой беседы не разглашалось, но по ее окончании оба участника сказали, что расхождения между ними всегда касались частных и превыше всего они ставят государственные интересы

и узы братства, помогающие преодолевать все проблемы, стоящие перед страной⁶⁸.

Учитывая непростую предысторию отношений этих двух деятелей (после некоторого периода их сотрудничества М. Сукарнопутри поддержала на выборах 2014 г. Д. Видодо), за этой встречей могли стоять лишь очень серьезные мотивы. Для П. Субианто в условиях отчужденности, наступившей в отношениях с его сторонниками, открывалась возможность остаться в большой политике, перестать быть заложником исламистов. Для М. Сукарнопутри, чья партия имеет самую большую фракцию в парламенте, возникла возможность подтвердить политическое лидерство ДПИБ не только в президентской коалиции, но и в национальном масштабе. Она пригласила П. Субианто на конгресс партии в августе 2019 г., где он с большой помпой присутствовал.

Д. Видодо как бы остался на втором плане. Политический аналитик Ариф Сусанто считает, что президент оказался в двойственном положении – он хотел продемонстрировать свою независимость и одновременно использовать М. Сукарнопутри для достижения политического равновесия. Если он достигнет своей цели, на вершине власти не будет никого, кроме них двоих⁶⁹. Но в поведении М. Сукарнопутри прослеживались признаки возвращения к ментальности 2014-2015 гг., когда лидеры ДПИБ откровенно обозначали Д. Видодо как функционера своей партии. Так выглядело ее выступление на конгрессе партии, когда она в необычном для традиционной культуры императивном стиле потребовала для партии самой большой квоты мест в кабинете. Это вызвало негативную реакцию некоторых членов президентской коалиции, в частности, Национально-демократической партии⁷⁰.

В этом же свете некоторые аналитики оценили инициативу ДПИБ о внесении изменений в конституцию страны изменений в сторону расширения полномочий Народного консультативного конгресса, возвращения ему функции разработки и принятия программы развития страны на пятилетний срок «Основные направления государственной политики», которая была отменена в 2002 г. Обязательный для исполнения президентом и правительством, этот документ ограничивает прерогативы главы государства и делает его уязвимым для критики со стороны представительных органов – при желании всегда можно найти отклонения от «Основных направлений».

В этой ситуации новый смысл приобретало сближение между М. Сукарнопутри и П. Субианто. Сенсацию произвело 9 августа заявление Сулми Дасчо, заместителя генерального председателя партии Гериндра, что в ходе избирательной кампании в коалицию П. Субианто затесались «безбилетные пассажиры», пытавшиеся использовать его личность в своих интересах. Распознав их интриги, он резко изменил курс, и теперь интриганы «кусают пальцы». Эти «пассажиры» были разочарованы тем, что П. Субианто призвал отказаться от демонстраций у здания Конституционного суда⁷¹. Ни одна организация не была конкретно названа в качестве «безбилетника». Потерпев поражение в президентской гонке, П. Субианто откровенно отмежевался от своих сторонников, чтобы сохранить политическую перспективу.

Но почти одновременно он выступил с инициативой возвращения к конституции в том виде, в каком она была принята 18 августа 1945 г., то есть к отмене практически всех поправок, внесенных в 1999–2002 гг. Сам он и его заместитель по партии Фадли Зон ссылались на то, что эти поправки превратили Индонезию в страну с либеральной экономикой⁷². В этой связи примечательны и его контакты с М. Сукарнопутри, о которой журналист Корнелиус Пурба, по его словам, пристально следивший за ее политической деятельностью, писал, что она с самого начала не одобряла поправок, вносившихся в основной закон страны⁷³.

Несомненно положительным можно считать тот факт, что избирательная гонка не переросла в политический кризис и наступило, пусть несколько театрализованное, примирение соперников. Можно говорить об известном запасе стабильности в обществе и государстве, о чем свидетельствует еще одно примечательное обстоятельство. По оценке председателя Ассоциации предпринимателей Индонезии (APINDO) Харияди Сукамдани, беспорядки в связи с объявлением итогов выборов не оказали существенного воздействия на обстановку и были восприняты как некий преходящий фактор⁷⁴. Аналогичным образом сложилась ситуация с притоком иностранного капитала – в первые шесть месяцев 2019 г. он составил 170 трлн рупий, около 12 млрд долларов, в том числе 98,5 трлн рупий были вложены в ценные бумаги и 71,5 трлн в акционерный капитал⁷⁵. Для сравнения: за весь достаточно благополучный 2017 г. иностранные инвестиции составили 17,7 млрд долл. Это показывает, что инвесторы были достаточно уверены в стабильности в стране.

Сразу после утверждения итогов выборов Д. Видодо 14 июля выступил перед лидерами партий своей коалиции и волонтерами с речью, озаглавленной «Какой мы видим Индонезию»⁷⁶. Он призвал находить новые модели, методы и ценности для решения стоящих перед страной проблем и обозначил пять главных направлений деятельности правительства на предстоящий период.

1. Продолжать развитие инфраструктуры в целях налаживания связей между промышленными зонами, особыми экономическими зонами, сельскохозяйственными зонами, районами рыболовства.

2. Продолжать повышение качества человеческих ресурсов, что является ключом к будущему страны, обеспечить здоровье беременных женщин и детей всех возрастов, не допустить роста случаев недоедания детей, детской и материнской смертности, повышать уровень образования, включая профессиональное.

3. Привлекать возможно больше инвестиций, устраняя все препятствия в этой области, в особенности, незаконные поборы.

4. Реформировать бюрократию; ведомства должны быть более простыми и гибкими, более отвечать современным требованиям. «Мне нужны смелые министры, и я ликвидирую ведомства, которые окажутся бесполезными или проблемными»

5. Обеспечить целенаправленное использование государственного бюджета, каждая израсходованная рупий должна приносить пользу людям, служить повышению их благосостояния.

Государственная идеология, по выражению президента, есть достояние всех соотечественников. Никто не должен проявлять нетерпимость, проявлять неуважение к другим религиям, этносам и племенам. Президент призвал обеспечить равенство всех граждан перед законом, доступ к знаниям и современным технологиям, упрочить положение страны в условиях усиливающейся конкуренции в мире. Примерно в этом же духе президент высказался и 20 октября после церемонии инаугурации.

Правозащитники критиковали Д. Видодо за то, что он не упомянул соблюдение прав человека и борьбу с коррупцией. Глава администрации президента Мулдоко объяснил это сугубо техническими причинами⁷⁷. К этому можно было бы добавить отсутствие такой весьма актуальной темы, как необходимость преодоления острых социальных и экономических дисбалансов в вертикальном и в горизонтальном (между регионами) измерениях. Не были обозначены внешнеполитические приоритеты.

Можно ли рассматривать выборы 2019 г. как тот пункт процесса реформ и демократизации, после которого откат становится невозможным? Утвердительный ответ на этот вопрос представляется преждевременным. Главными или, во всяком случае, весьма влиятельными игроками на политической арене остаются не партии, которые должны олицетворять гражданское общество, а армия, с одной стороны, и консервативный ислам, блокирующийся с радикальным, с другой. Немногим менее половины избирателей проголосовали за партии, блокировавшиеся с радикальным исламом. Это серьезный вызов государственной идеологии, поскольку означает, прежде всего, что она не обеспечивает в своем осуществлении принцип социальной справедливости. В то же время заслуживает внимания и точка зрения Ахмада Музани, генсека партии Гериндра, который считает, что блокирование П. Субианто и его партии с радикальными исламистами оттолкнуло от него значительное число избирателей⁷⁸.

Вместе с тем, не все избиратели, проголосовавшие против Д. Видодо и М. Амина, настроены против демократических реформ. Можно предположить, что значительная часть из них недовольна не реформами, а их результатами, их ходом.

Вопросы, связанные с формированием нового правительства, состав которого был обнародован 23 октября 2019 г., заслуживают отдельного рассмотрения. Ограничимся здесь самым неожиданным назначением – предоставлением двух министерских портфелей партии Гериндра, в том числе поста министра обороны Прабово Субианто. Можно предположить, что президент руководствовался прежде всего желанием нанести удар по исламистам, продемонстрировав им сколь ошибочной была их ставка на генерала. Исламистская радикальная оппозиция выступает как главная угроза безопасности и целостности страны, и показательно, что формируя новый кабинет, Джоко Видодо назначил на пост министра по делам религий армейского генерала (всего в составе кабинета сейчас шесть отставных генералов против пяти в прошлом, в том числе министр здравоохранения). Включив П. Субианто с его партией в свою коалицию, президент получил дополнительно 78 мандатов в парламенте, доведя их число до 427.

Высказывается предположением, что за предоставлением министерского поста П. Субианто стояла М.Сукарнопутри, которая уже сейчас готовит почву для коалиции с Гериндра на выборах 2024 г.⁷⁹. Вместе с тем, нельзя исключать некоторые неоднозначные

последствия этого шага. Высказываются, в частности, сомнения, что он способен соблюдать необходимую лояльность главе государства и в кабинете «не будут сиять два солнца»⁸⁰.

Правозащитники вспоминают новому министру его небезупречный послужной список по части нарушений прав человека, и напоминают, что Джоко Видодо до последнего времени держал на посту министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности генерала Виранто с весьма схожей биографией⁸¹.

Ощущается отчетливое недовольство некоторых партий президентской коалиции тем, что министерские портфели отдаются представителям противоположного лагеря и таким образом лояльность не вознаграждается должным образом. И, наконец, более долгоиграющим последствием может оказаться разочарование избирателей, которые голосовали за П. Субианто и его партию. Сочтя себя обманутыми, они на следующих выборах обратят свои надежды к радикальным исламистам, которые фактически отмежевались от П. Субианто после его примирения с президентом и согласия принять министерский пост. Фактически безоговорочно оппозиционной, похоже, остается лишь Партия справедливости и процветания с ее весьма радикальной платформой.

В развитии индонезийского общества и государств теперь многое будет зависеть от того, сумеют лидеры политических партий сделать верные выводы. Многим из них предстоит избавиться от патриархальных традиций, несменяемости на протяжении десятилетий, семейственности в замещении высших постов в партиях.

Индонезийское общество меняется, хотя это не всегда бросается в глаза, и важно не забывать политический опыт режима «Нового порядка», который пал прежде всего потому, что общество переросло установленные властями рамки и нормы. Отдельного анализа в этой связи заслуживают кризисные события в провинциях Папуа и Западное Папуа в августе-сентябре 2019 г. Способность правительства и всей политической элиты сделать правильные и далеко идущие выводы из этих событий станет индикатором глубина преобразований в Индонезии после 1998 г.

¹ Detik, 23.04.2019.

² Kompas, 22.04.2019.

³ Detik, 01.02.2019.

⁴ Kompas, 06.05.2019.

- ⁵ Suara Pembaruan, 16.05.2019.
- ⁶ Kompas, 25.04.2019, The Straits Times, 28.04.2019.
- ⁷ Detik, 15.05.2019.
- ⁸ Detik, 02.05.2019.
- ⁹ Detik, 14.05.2019.
- ¹⁰ republika, 30.04.2019.
- ¹¹ Kompas, 17.05.2019.
- ¹² Detik, 21.05.2019.
- ¹³ Republika, 19.12.2018
- ¹⁴ Republika, 17.05.2019, Tempo, 16.05.2019.
- ¹⁵ Antara, 17.05.2019.
- ¹⁶ Kompas, 16.06.2019.
- ¹⁷ Antara, 23.05.2019.
- ¹⁸ Detik, 23.05.2019.
- ¹⁹ Detik, 24.05.2019.
- ²⁰ Detik, 24.05.2019
- ²¹ Detik, 26.05.2019
- ²² Antara, 24.05.2019
- ²³ The Jakarta Post, 12.06.2019.
- ²⁴ Tempo, 13.06.2019.
- ²⁵ Suara Merdeka, 11.06.2019.
- ²⁶ Kompas, 12.06.2019.
- ²⁷ Tempo, 14.06.2019.
- ²⁸ Suara Merdeka, 18.06.2019.
- ²⁹ Kompas, 30.06.2019.
- ³⁰ Detik, 30.06.2019.
- ³¹ Tempo, 24.05.2019.
- ³² Kompas, 28.06.2019.
- ³³ Detik, 28.06.2019.
- ³⁴ Republika, 01.07.2019.
- ³⁵ Republika, 05.07.2019.
- ³⁶ Suara Merdeka, 12.07.2019.
- ³⁷ Tempo, 06.06.2019.
- ³⁸ Kompas, 03.07.2019.
- ³⁹ Detik, 30.06.2019.
- ⁴⁰ Ibid., 19.06.2019.
- ⁴¹ The Straits Times, 21.06.2019.
- ⁴² Kompas, 16.06.2019.
- ⁴³ Gatra, 01.07.2019.
- ⁴⁴ The Jakarta Post, 19.11.2018.
- ⁴⁵ Republika, 12.02.2019.
- ⁴⁶ Tempo, 12.03.2019.
- ⁴⁷ Suara Pembaruan, 03.03.2019.
- ⁴⁸ Tempo, 28.05.2019.
- ⁴⁹ Tempo, 16.03.2019.

- ⁵⁰ Republika, 25.05.2019.
⁵¹ Suara Pembaruan, 22.04.2019.
⁵² Suara Pembaruan, 19.07.2019.
⁵³ Detik, 27.06.2019
⁵⁴ Kompas, 09.07.2019.
⁵⁵ Kompas, 09.07.2019; Republika, 09.07.2019.
⁵⁶ Suara Merdeka, 12.07.2019.
⁵⁷ Republika, 13.07.2019; Kompas, 13.07.2019.
⁵⁸ Suara Pembaruan, 13.07.2019.
⁵⁹ Ibid.
⁶⁰ Suara Pembaruan, 14.07.2019.
⁶¹ Gatra, 29.04.2019.
⁶² Gatra, 15.07.2019.
⁶³ Republika, 15.07.2019; Detik, 15.07.2019.
⁶⁴ Tempo, 14.07.2019.
⁶⁵ Republika, 14.07.2019.
⁶⁶ Ibid.
⁶⁷ Detik, 13.07.2019.
⁶⁸ Republika, 24.07.2019.
⁶⁹ Suara Pembaruan, 25.07.2019.
⁷⁰ Suara Merdeka, 10.08.2019.
⁷¹ Detik, 09.08.2019.
⁷² Republika, 17.08.2019; Detik, 17.08.2019.
⁷³ The Jakarta Post, 16.08.2019.
⁷⁴ Antara, 27.05.2019.
⁷⁵ Republika, 05.07.2019.
⁷⁶ The Jakarta Post, 15.07.2019.
⁷⁷ Tempo, 15.07.2019.
⁷⁸ Detik, 15.09.2019.
⁷⁹ Suara Pembaruan, 20.10.2019.
⁸⁰ Suara Pembaruan, 22.10.2019.
⁸¹ Detik. 24.10.2019.